

УДК 94(47).084.2/.084.6

К. Д. Бугров

МАРКСИЗМ И «КРАСНЫЙ РЕСПУБЛИКАНИЗМ» В ДОВОЕННОМ СССР: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье ставится и рассматривается вопрос о трансформациях политической культуры России, произошедших под влиянием Октябрьской революции и прихода к власти большевистской партии. По мнению автора, две ключевые манеры политической речи, характерные для большевиков, можно условно назвать марксизмом и «красным республиканизмом». Марксистская социология стала под пером Ленина важнейшей инновацией, переломным моментом в истории отечественной политической культуры, позволившей обосновать взятие власти большевиками в 1917 году и закрепление монополии партии на власть. Однако разочарование в прогностической способности марксистской социологии и переход к построению социализма в отдельной стране привели к формированию другого политического языка, который можно назвать республиканским, отсылая к хорошо изученному феномену европейской политической мысли. Политическую культуру раннего сталинского СССР можно считать республиканской, т. е. опирающейся на признание примата политического над экономическим и на концепцию гражданской доблести (энтузиазма), неразрывно связанной с особым политическим строем страны. Взаимодействие марксистского и «красного республиканского» политических языков на рубеже 1920–1930-х годов стало основополагающим для советской политической культуры и остается чрезвычайно важным и для современной России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Советский Союз, республиканизм, марксизм, революция, диктатура пролетариата, Ленин.

I

Октябрьскую революцию 1917 года можно считать водоразделом для российской политической истории, кроме прочего, еще и по той причине, что она означала жестокий и бескомпромиссный разрыв с предшествовавшими традициями отечественной политической культуры (несмотря на наличие целого ряда работ, авторы которых указывают на преемственность или «цикличность» российской политической культуры [см.: 1; 2; 3]). Если мы будем исходить из того, что политика – это процесс коммуникации и, следовательно, политическая культура определяется доступностью ее ак-

торам тех или иных политических языков (с помощью которых они описывают положение дел, аргументируют, убеждают друг друга и, наконец, отдают распоряжения), то можно сказать, что прорывный, новаторский характер изменений, привнесенных на российскую политическую арену большевиками, определялся сочетанием двух крупных политических *манер речи*. Одна из них легко поддается идентификации и достаточно хорошо известна – это марксистская «классовая диалектика». А вот вторая находится на виду несколько меньше и не имеет устоявшегося названия, поэтому мы будем ее определять как «красный республиканизм».

Почему Октябрь 1917 года можно считать рубежом? Российская политическая традиция не знала отношения к власти как к предмету, который можно захватить; как ни странно, даже XVIII век, век дворцовых переворотов, официально выглядел «эрой чудес». В массиве панегирической литературы, циркулировавшей при дворе императоров и доминировавшей в политической культуре страны, а также в публицистике, конечно, не отрицался факт смены одних царей другими. Однако основным агентом изменения считалось Провидение: два важнейших дворцовых переворота – переворот 1740 года Елизаветы Петровны и переворот 1762 года Екатерины II – рассматривались в контексте божественной милости, а не тактики и стратегии борьбы заговорщиков за власть. Указания на божественный характер власти императоров присутствуют практически во всех высказываниях о власти, появившихся в печати в XVIII – начале XIX века; к сожалению, функционирование религиозно-политического языка в России имперского периода не становилось пока предметом специального исследования, равно как не исследован с этой целью и корпус панегирической литературы (духовной и светской). Тем не менее, можно с уверенностью назвать основную черту дискурса о власти, сформировавшегося в монархически-абсолютистской политической культуре XVIII века: власть нельзя «взять», поскольку короны раздают не люди, но Провидение. Соответственно, царствование тирана – Божье наказание, а свержение тирана – Божья милость [см.: 4, с. 7–16]. К середине XVIII века состоялось наделение российского дворянства особыми правами и привилегиями, не имевшими аналогов и носившими характер пожалования со сто-

роны императора. Формирование системы дворянских привилегий на фоне общего модернизаторского курса имперской элиты привело к формированию взгляда на российское общество как на глубоко расколотый социум, в котором просвещенное меньшинство волей императора (т. е. Провидения!) осуществляет управление неразвитым, несознательным большинством, преимущественно крестьянским.

Провиденциализм плюс априорное признание российской отсталости! Эта традиция оставалась чрезвычайно влиятельной – настолько, что, например, заговорщики-декабристы в начале XIX века так и не смогли решить в своем кругу вопрос о том, откуда должно черпать легитимность предполагаемое революционное правительство (от Бога? от народа?); а, например, народовольцы рассчитывали «подтолкнуть» царское правительство к преобразованиям с помощью террора. Провиденциальная легитимность оставалась достоянием царя – помазанника Божьего; апелляция же к народной «общей воле» оставалась проблематичной именно из-за признания существования глубокого культурного разрыва и массовой «отсталости».

II

Речь Ленина на Финляндском вокзале и последовавшие за ней «Апрельские тезисы» (1917) рвали с описанной выше традицией, явившись оригинальной адаптацией марксистской социологии (в ее радикальном изводе) к российским реалиям: лидер большевиков выдвинул требование немедленного перехода к республике Советов и, в конечном счете, к «коммуне», вовсе не опасаясь показаться нелегитимным. Работы и статьи Ленина лета-осени 1917 года – это не только памятник радикальной марксистской мысли, но и грандиозная инновация на почве российской политической культуры. Большевики, уверял Ленин, готовы взять власть; напрасно лидер Петросовета И. Г. Церетели «говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: “есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком”» [5, с. 267]. Это – первое в российской истории откровенное, публичное признание в желании взять власть, а не получить ее от Бога, народа или какого-либо иного агента.

Провиденциалистская легитимность для материалиста Ленина, конечно, была пустым звуком; альтернативная ей легитимность «общей воли» народа Лениным энергично развенчана как маска, прикрывающая объективную «классовую» реальность социума: или диктатура буржуазии, или диктатура пролетариата, но не «народное» государство, которое является буржуазной фикцией. Более того, «единство нации» предстоит еще организовать, когда «пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и объединят действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее всей нации, всему обществу» [6, с. 53]. Следовательно, важной является не формальная легитимность, полученная путем выборов или унаследованная от существующего властного органа (наподобие Государственной думы), но владение своеобразной «классовой арифметикой», понимание логики исторического процесса по Марксу (кризис капитализма, пролетарская революция в повестке дня) и понимание объективных «интересов» пролетариата, существующих вне зависимости от того, осознает их сам класс или нет. Если «классовая арифметика» освоена должным образом, то сам захват власти – это лишь вопрос тактики и стратегии вооруженного восстания (детали Ленин скрупулезно изложил в работе «Марксизм и восстание» в сентябре 1917 г.).

Концептуальные инновации Ленина позволили большевистской партии взять власть в 1917 году и удержать на эту власть монополию, отказываясь идти на компромиссы с иными политическими группировками и партиями. Марксистская социология стала могучим инструментом политической мобилизации, предложив вместо монархического провиденциализма и ссылок на волю народа своеобразный взгляд на ход исторического прогресса. Однако кроме марксистского политического языка, большевистская партия располагала и иным концептуальным инструментарием, который оказался востребован уже после смерти Ленина в 1920-е годы.

Объективизм марксистской социологии содержал и угрозу: каким образом способна диктатура пролетариата реализоваться в крестьянской стране в условиях отсутствия ожидавшейся боль-

шевиками мировой революции? Тот же марксистский объективизм, который помог Ленину сокрушить Временное правительство и отмахнуться от Учредительного собрания, теперь грозил самой пролетарской диктатуре. Оппозиция упрекала партийное большинство в капитулянтской политике, намекая на близкое «термидорианское перерождение» большевиков. Тогда и оказалась выдвинута идея построения социализма в отдельной стране, оправдывавшая жертвы прошлого и усилия настоящего. Н. И. Бухарин в 1926 году на XIV съезде ВКП(б) сделал знаменитое заключение: «из-за классовых различий внутри нашей страны, из-за нашей технической отсталости мы не погибнем, мы можем строить социализм даже на этой нищенской технической базе, этот рост социализма будет во много раз медленнее, мы будем плестись черепашьям шагом, но все-таки мы социализм строим, и мы его построим» [7, с. 135].

Итак, или термидорианское перерождение – или «черепашьи темпы»? Оба варианта представлялись большевистской элите, точнее определенной части этой элиты, неудовлетворительными.

III

Ответ на дилемму, очерченную выше, был дан с помощью той оригинальной манеры говорить о политике, которую мы называем «красным республиканизмом», ссылаясь на хорошо известное историкам политической мысли понятие. Республиканизмом называют набор политических идей и понятий, восходящих к греко-римской философии и возрожденных в эпоху Ренессанса. Существует обширная литература по истории республиканизма, трактуемого как влиятельная альтернатива либерализму в Европе Нового времени [8]. Кратко суммируя основные черты республиканизма, отметим: отправная точка здесь – философия Аристотеля о естественной социальности человека, для которого единственно достойной жизнью является гражданская жизнь в свободном городе [9]. Таким образом, в центре республиканской теории – гражданская доблесть (*virtu*), связанная со своего рода «соревнованием» граждан города между собой в проявлениях *virtu* ради блага горожан, и одновременно – с особой политической организацией, делающей

подобное соревнование возможным; наличие доблести позволяет гражданам решать судьбу республики вне зависимости от внешних факторов (удачи, времени, обстоятельств), опираясь только на свою выдающуюся доблесть. Дебаты вокруг наследия Макиавелли (развивавшего изложенные выше взгляды в «Рассуждении о первых десяти книгах Тита Ливия» [10]) стали ключевым моментом в истории ренессансного республиканизма; республиканские вопросы поднимались во Флоренции, в Нидерландах, в Англии эпохи Кромвеля и, наконец, в Соединенных Штатах и революционной Франции [11].

Сложно с определенностью указать единый источник республиканского влияния, из которого большевистские лидеры черпали вдохновение (можно предполагать здесь влияние опыта французской революции?), однако следует констатировать: большевистской (ленинской) идеологии была присуща своеобразная и контрастирующая с марксистским объективизмом уверенность в громадном потенциале энтузиазма. В 1920-х годах интерес к энтузиазму возродился на фоне разочарования в «черепашьих шагах» нэпа и страха перед грядущим термидором. Разгром «правого» уклона и старт первой пятилетки оказались событиями, оформившими триумф своеобразного «красного республиканизма» – разумеется, обогащенного марксистским социологизмом.

Партия, замкнувшая с 1928 года все рычаги экономической активности на себя, собиралась заменить рынок административным нажимом, особым искусством управлять «по-большевистски» и разнузданием массового энтузиазма. Само по себе это искусство управлять, о котором постоянно говорилось на партийных собраниях, может считаться особой красной *virtu*, заменявшей капризную и непредсказуемую стихию рынка – самоотверженной доблестью гражданина, способного добиваться успеха наперекор обстоятельствам и черпающего силы только в своем гражданском мужестве. Характерное внимание к кадрам дополнялось, однако, апелляциями к сознательности рабочего класса, призывами проявить дисциплину, энтузиазм и высочайшую самоотверженность. Если рабочий класс является правящим классом, то он должен проявить гражданскую доблесть на трудовом фронте. Не случайны аналогии с военными подвигами пролетариата эпохи гражданской войны,

которыми буквально переполнены речи советских вождей начала 1930-х годов: предполагалось, что тот же классовый (или уже гражданский?) энтузиазм, который сделал Красную армию «непобедимой» (в отличие от царской армии, инструмента отчуждения и оболванивания солдат), позволит пролетариату совершить небывалые экономические прорывы: это вопрос не конъюнктуры рынка, а воли, энтузиазма, мобилизации.

На совещании хозяйственников 23 июня 1931 года Сталин так завершил свое выступление: «Реальность нашей программы – это живые люди – это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы – это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость. Есть ли у нас она, эта самая решимость? Да, есть. Стало быть, наша производственная программа может и должна быть осуществлена» [12, с. 80]. Искусство управлять «по-большевистски» оставалось основным; например, в 1933 году Сталин на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК заявил: «Не в крестьянах надо искать причину затруднений в хлебозаготовках, а в нас самих, в наших собственных рядах. Ибо мы стоим у власти, мы располагаем средствами государства, мы призваны руководить колхозами, и мы должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне» [13, с. 233].

Иными словами, советская экономика способна осуществить колоссальный рывок не только потому, что она плановая и научная, но и потому, что ее строят «герои». Энтузиазм поддерживался различными формами соревнования в патриотизме и проявлениях гражданской доблести, таких как «социалистическое соревнование» или стахановское движение; тогда же в СССР была введена система орденов и почетных званий; наконец, формирование «культов» партийных вождей вполне может считаться проявлением особого рода республиканской культуры (в СССР площади и улицы оказались заставлены изображениями «вождей» и «слуг народа» едва ли не более густо, чем улицы городов Древнего Рима).

В 1939 году на XVIII съезде ВКП(б) Сталин провозгласил «морально-политическое единство советского народа», состоявшего отныне, после ликвидации враждебных классов, из рабочих, кол-

хозных крестьян и «советской интеллигенции»: эти классы, «перегородки» между которыми «стирались», формировали единую общность – носительницу той самой «общей воли», от которой когда-то старательно отмежевывался Ленин. Однако республиканский *tour de force* 1930-х годов вовсе не предполагал отказа от марксистской политической речи: напротив, оба дискурса сосуществовали, поддерживая друг друга и черпая друг в друге легитимность: залогом *virtu* советских граждан считалось не Провидение или историко-национальная традиция («почва»), но особое политическое и экономическое устройство Советского Союза, которое, в свою очередь, зависело от активности и сознательности советских граждан и которое надлежало укреплять и защищать (в том числе ценой жизни).

«Новояз» первой пятилетки – с его гигантоманией, апелляциями к энтузиазму и призывами к соцсоревнованию – вполне можно считать республиканским. Этот «новояз» обладал собственной средой бытования: скорее лозунг, чем дискуссия, скорее газетная передовица, чем полемические тезисы. Как отмечает американский исследователь Д. Бранденбергер, «повышенное внимание к народному героизму, заметно контрастирующее с ориентацией на безымянные общественные силы, принятой в 1920-е годы, привело к возникновению по существу нового жанра агитационной литературы», формировавшего «пантеон советских героев, социалистических мифов и современных легенд» [14, с. 40]. Пятилетка означала небывалый подъем пропагандистского искусства: интенсивно использовались различные формы выразительности: фотография, кинематограф, музыка; достаточно назвать знаменитый фильм Дзиги Вертова «Энтузиазм: симфония Донбасса» (1930) или впечатляющие по своему визуальному оформлению серии журнала «СССР на стройке».

Упомянутый выше Д. Бранденбергер в знаменитой работе о «национальном большевизме» выделяет три легитимационных режима в довоенном СССР: марксизм (приходивший, по его мнению, в упадок), «руссцентричный этатизм» (набиравший, по его мнению, силу) и упомянутый вскользь «советский патриотизм» (который примерно соответствует тому, что мы называем «красным республиканизмом»). Под «советским патриотизмом» Бранденбергер понимает особый язык социальной мобилизации, призванный сме-

нить акценты с сухой марксистской социологии на формирование «героического» нарратива о социалистическом строительстве и потерпевший крах из-за чудовищных репрессий конца 1930-х годов, когда вчерашние герои пятилеток оказались объявлены «предателями» [см.: 14, с. 18–138]. Однако Бранденбергер почти не уделяет внимания первым двум режимам, концентрируя внимание исключительно на третьем, тогда как, на наш взгляд, именно взаимодействие первого и второго явилось для советской политической культуры (а в громадной степени – и для российского сегодняшнего дня) определяющим, почему и заслуживает всестороннего и глубокого изучения.

1. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997.
2. *Медушевский А. Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005.
3. *Янов А. Л.* Россия и Европа : в 3 т. М., 2007–2009.
4. *Vigrov K. D.* Religious Legitimation in 18th century Russia // *European J. of Science and Theology*. 2016. Vol. 12, Nr 4. P. 7–16.
5. *Ленин В. И.* Речь об отношении к временному правительству // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 32. С. 263–276
6. *Ленин В. И.* Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 33. С. 1–120
7. *XIV съезд* Всесоюзной коммунистической партии (б) : стеногр. отчет. М., 1926.
8. *Republicanism. A Shared European Heritage* : in 2 vol. / ed. by M. van Gelderen, Q. Skinner. Cambridge, 2005.
9. *Роскок J. G. A.* The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 1975.
10. *Скиннер Кв. Макиавелли.* Очень краткое введение. М., 2012.
11. *Baker K.* Transformations of Classical Republicanism in Eighteenth-Century France // *The J. of Modern History*. 2001. March. Vol. 73, Nr 1. P. 32–53.
12. *Сталин И. В.* Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства : речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сталин И. В. Соч. М., 1951. Т. 13. С. 51–80.
13. *Сталин И. В.* О работе в деревне : речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 216–233.
14. *Бранденбергер Д.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. СПб., 2009.